

Глава 26. Образ болезненного учителя рухнул

В изначальном сценарии имя Сюаньхун ни разу не упоминалось.

Всё потому, что там Хэ Юань покинул орден ещё на стадии Пробуждения Чувств, в то время как даосские имена обычно даровались лишь тем, кто достиг стадии Золотого Ядра.

К моменту своего прорыва ученик уже практически враждовал с наставником и всем орденом Тайсюань, так что он ни за что не стал бы использовать имя, выбранное для него когда-то учителем. Поэтому Система, услышав титул «Почтенный Меч Сюаньхун», поначалу никак не отреагировала, даже не осознав всей серьёзности положения.

Но стоило Чэн Муюню всё объяснить, как её программный код запульсировал в бешеном ритме, едва не сорвавшись в бесконечный цикл.

«Что?! Почтенный Меч Сюаньхун — это Хэ Юань? — в панике возопила она. — Мы же должны были вернуться в то время, когда ты еще не успел натворить дел! Каким образом он уже стал Почтенным Мечом?!»

— Не знаю, — отозвался Муюнь с полным безразличием. — Даже не спрашивай. Я сам ничего не понимаю.

На самом деле, громкий титул был лишь верхушкой айсберга. Куда больше хлопот доставляло упоминание Дао Бесстрастия. В оригинальном сюжете Хэ Юань был классическим героем гаремника: одна императрица, две наложницы, четыре фаворитки и бесчисленное множество любовниц. Настоящий племенной жеребец.

Если теперь главный герой встал на путь Бесстрастия, пойдёт ли он вообще собирать свой гарем? А если нет — как, скажите на милость, восстанавливать сюжетную линию?

— Самая большая беда в том, — продолжил Муюнь, — что если Сюаньхун — это действительно Хэ Юань, то с момента моей «смерти» прошло как минимум несколько столетий.

Собеседница замолчала, переваривая информацию.

«И ещё вопрос: если он и впрямь практикует Дао Бесстрастия, станет ли он вообще заводить гарем?»

Тут Систему окончательно прорвало.

«Какое Дао Бесстрастия?! Какие гаремы?! О чём ты только думаешь! О боги, ты просто гений хаоса! Как можно было так перепахать сюжет, а?! Это же звучит ещё безумнее, чем мир Цинь

Ли! Главный герой романа-гаремника практикует Дао Бесстрастия! Да кто в такое поверит?!»

— Ну... ты это, остынь немного, — попытался урезонить её Муюнь. — Мы ведь ещё не уверены на все сто. Давай просто обсудим варианты.

«...Излагай».

— Это ведь роман про прокачку и успех, верно? — рассуждал юноша. — Главное там — карьера, а гарем — дело десятое. В финале Хэ Юань всё равно должен вознестись. Может, нам просто помочь ему с этим вознесением, и дело с концом?

«Боюсь, так не пойдёт, — возразила Система. — Удовлетворение читателей строится на трёх китах: прокачка, поиск сокровищ и сбор гарема. Выкини хоть один — и всё рухнет».

Муюнь неодобрительно хмыкнул.

— Порочная логика. Как можно рассматривать женщин как ресурс? Это же чистое свинство. А свиньи не имеют права на вознесение.

Система на мгновение зависла, ощущая, что её снова склоняют к чужой правде. В конце концов она решила пойти на компромисс.

«Может, попробуем восстановить линию с главной героиней?»

— Ты забыла? Я её собственноручно прирезал. Как тут восстановишь?

«Об этом не беспокойся. Она — душа романа, так просто не исчезнет. По законам этого мира, она, скорее всего, уже переродилась».

— Ну, допустим.

Закончив обсуждение стратегии, Чэн Муюнь решил для начала разведать обстановку.

— У меня только один вопрос: как моё сознание вообще здесь оказалось? Я же точно помню, что взорвал себя. Ты ведь не состряпала мне новое тело?

Если бы это было так, проблем бы только прибавилось. Внезапное появление Даосса-владыки Чжаомина, почившего сотни лет назад, не только не имело бы объяснения, но и могло окончательно лишить Хэ Юаня рассудка. А бросать тело без присмотра тоже нельзя — если тот решит наведаться в старую обитель и найдёт там свой «подарочек», его картина мира окончательно рухнет.

«О чём ты? — фыркнула Система. — Мои полномочия ограничены твоим перемещением. На сотворение материи я не способна».

— Тогда я спокоен.

Раз это не было делом рук Системы, Чэн Муюнь легко догадался, в чём причина. Скорее всего, кто-то использовал артефакт вроде Фонаря собирания душ. Пусть тогда он взорвал себя, уничтожив и плоть, и дух, но при должном старании можно было выловить хотя бы крохотный осколок его изначального духа. Вероятно, этот фрагмент долгое время согревали в магическом светильнике, и теперь, когда он вернулся, его сознание просто заняло это «пристанище».

Значит, сейчас единственное, что он мог делать — это восстанавливать истощённые силы.

Юноша потратил полмесяца, бережно латая лоскуты своей души. Стоит признать, что хотя пещера давно была заброшена, духовная энергия в ней буквально била ключом. Если бы не окрики спутницы, он бы непременно ушёл в глубокую медитацию.

«Приди в себя! Твоя задача — не бессмертие практиковать».

Очнувшись от этого упоительного океана силы, Муюнь мечтательно вздохнул.

— Тебе не понять. Ты — врождённое божество, тебе неведомо это чувство: когда ты, вопреки всему, пробиваешься сквозь тернии, бросаешь вызов небесам... В этом легко утонуть.

«Прекращай бахвалиться! — отрезала Система. — Раз можешь шевелиться — действуй. Живо, живо!»

Наконец дух Муюня смог покинуть то место, что удерживало его эти полмесяца. Но то, что он увидел — точнее, чего не увидел, — поставило его в тупик. По идее, находясь в состоянии духа, он должен был воспринимать всё вокруг своим внутренним зором. Даже непроглядная ночь не могла стать помехой для чувств практика.

Однако перед глазами по-прежнему царил густая тьма. Ни глаза, ни божественное чутьё не могли пробиться сквозь этот мрак.

Он терялся в догадках, но не смел шуметь, боясь привлечь внимание. К счастью, свою обитель он знал как свои пять пальцев. Даже вслепую Муюнь безошибочно направился к выходу, ведомый лишь памятью.

Остановившись у каменных врат, он наконец заметил слабый лучик света. Не нуждаясь в ключе, его призрачное тело просто просочилось сквозь узкую щель в дверях.

Снаружи было ослепительно ярко. Стояла глубокая ночь, и в вышине сияла полная луна.

После долгой слепоты Муюню было не по себе. Он инстинктивно вскинул руку, чтобы прикрыть глаза, но прозрачные пальцы не могли преградить путь свету.

«Эх, всё-таки придётся искать себе тело»

В таком состоянии он был не только бесполезен, но и крайне уязвим. Стоило кому-то заметить его, и любая атака стала бы роковой.

Немного поразмыслив, Муюнь решил первым делом навеститься в хранилище книг ордена, чтобы выяснить, что же произошло за эти годы. В своё время, когда его Кость Дао была разрушена, он, кроме самопознания и изучения массивов, ничем не занимался. Он был уверен, что сможет пробраться туда незамеченным.

Тот рассеянно оглядел Пик Вэньдао, по которому не ступал долгие годы. Каждое дерево, каждая травинка выглядели в точности так же, как в день его ухода из ордена Тайсюань.

На пустой площадке перед входом в пещеру всё так же стоял деревянный манекен, испещрённый бесчисленными следами от меча. Муюнь сам смастерил его, когда только подобрал Хэ Юаня, чтобы учить того азам фехтования. А чуть поодаль стоял шезлонг — то самое место, откуда наставник следил за тренировками. После ранения он не мог долго сидеть и привык полулёжа наблюдать за подопечным.

Поначалу приходилось постоянно давать советы, но когда ученик подрос, учитель позволял себе лениться, листая книги по древним массивам. Под свист клинка, рассекающего воздух, и мерное журчание ручья неподалёку те дни казались воплощением покоя.

«Ты чего застыл? — подала голос Система. — Сматываться пора!»

— Да вот думаю... — отозвался Муюнь. — Раз тут всё так бережно сохранено, может, Хэ Юань ненавидит меня не так сильно, как я ожидал? А если ненависти нет, то дальше будет куда проще... справ...

Договорить он не успел — его призрачное тело словно приклеилось к месту.

Сейчас Муюнь стоял прямо напротив входа в обитель, и его взгляд упал на каменную дверь. Там, прямо посередине, красовалась идеально ровная, глубокая отметина от меча.

От неистовой жажды крови, исходящей от этой метины, он невольно вздрогнул. Стоит помнить, что эти врата не были простой каменной глыбой — их вытесали из редчайшего золотого нефрита, добытого в бездонных недрах, и они считались неразрушимыми. Даже Муюнь в свои лучшие годы мог оставить на них лишь едва заметную царапину.

Но страшнее всего было то, что он узнал этот стиль. Сомнений не было: удар нанёс Хэ Юань.

Последняя крохотная надежда с треском лопнула. Почтенный Меч Сюаньхун — это действительно его бывший ученик, и теперь его мощь достигла Стадии Закалки и Преодоления Испытания, сделав его, пожалуй, сильнейшим человеком в Царстве Цзючжоу. И главный вопрос теперь заключался в том, во что именно Хэ Юань хотел превратить эту дверь.

Был ли этот удар нацелен в камень или же в тело его наставника, Чэн Муюня?

— Система, что делать, а?! — в панике зашептал Муюнь. — Хэ Юань спит и видит, как бы меня в порошок стереть! Ох, он наверняка хочет дождаться, пока моя душа окрепнет, чтобы потом кромсать её на тысячи кусков снова и снова, пока не насытится местью!

«Меня спрашиваешь? — хмыкнула Система. — Спроси лучше себя — кто всё это заварил?»

— ...Так, план меняется. Валим отсюда.

Муюнь вмиг растерял весь интерес к библиотеке.

Раз Хэ Юань ступил на путь Бесстрастия и достиг таких высот, его дальнейший прогресс зависел уже не от количества маны, а от состояния духа. Судя по сплетням тех учеников, он застрял на своём уровне надолго, и это было странно. Для гениального протагониста, идущего по пути Бесстрастия, практика должна была лететь со скоростью света. Что же его тормозило?

Какое испытание он не мог преодолеть? Муюнь был уверен на девяносто процентов: дело в нём самом. В конце концов, каково это — когда неопытный юноша, едва познавший вкус первой любви, видит, как учитель пронзает его избранницу мечом, а после вырывает его собственную основу — Кость Дао?

Такую обиду не искупить даже десятком публичных казней. Но Муюнь умудрился совершить нечто грандиозное — он спас всё праведное воинство, лишив Хэ Юаня даже права на справедливую ненависть.

Подавленные чувства за долгие годы непременно должны были... превратиться в нечто извращённое. Иначе зачем бы ему сдался этот Фонарь собирания душ? Ни один нормальный человек не стал бы так цепляться за тень покойного врага.

Чем больше Муюнь об этом думал, тем сильнее у него мороз шёл по коже. Нужно было немедленно уходить из ордена Тайсюань и искать перерождение той самой героини. Только любовь сможет усмирить это чудовище и вернуть его в нормальное русло!

Приняв решение, он развернулся, чтобы бежать, но, отойдя от входа на десяток шагов, резко замер.

«Что опять?» — ворчала Система.

— Здесь что-то не так.

Он опустил взгляд на землю под своими ногами. Точнее, туда, где парил его призрачный силуэт. В этот самый миг зазоры между каменными плитами под ним едва заметно мерцали.

— Древний массив... — пробормотал Муюнь и поспешно отступил назад.

Стоило ему вернуться к дверям, как свечение погасло. Так и есть — этот массив служил невидимой клеткой. Снаружи войти невозможно, но и изнутри не выйти. Лишь потому, что юноша сейчас был бесплотным духом, он не активировал ловушку сразу.

Нахмурившись, он медленно облетел границы мерцающего круга.

— Дела плохи. Система, я не смогу взломать этот массив.

Когда путь меча для него закрылся, Муюнь с головой ушёл в изучение магических печатей. Будучи гением от природы, он достиг в этом деле уровня великого магистра. Одного взгляда на плетение ему хватило, чтобы понять: эта ловушка создана специально для удержания душ. Именно из-за неё он ничего не чувствовал внутри обители — массив блокировал восприятие.

«Неужели ты настолько бесполезен?» — поддела его Система.

— При чём тут бесполезность? — возмутился дух. — У меня нет тела! Эта дрянь рассчитана именно на таких, как я. Стоит мне применить божественное чутьё, и меня просто втянет обратно в пещеру.

— Эх... — Муюнь с горечью вздохнул и повалился в свой старый шезлонг.

Луна скрылась за плотной завесой туч, и вершина пика погрузилась в зыбкие сумерки. Муюнь какое-то время безучастно смотрел в небо, а потом спросил:

— Система, а если я сейчас взорву свою душу, ты сможешь откатить время и забросить меня в другое место? Тут явный тупик.

«Ты... ты... ты даже не думай! — запаниковала Система. — Если ты сейчас самоликвидируешься, это действительно будет конец. Мир просто схлопнется! А ну остынь!»

Муюнь и не надеялся на другой ответ — он просто прощупывал почву. Раз отката не будет, придётся действовать более радикально.

Но не успел он ничего предпринять, как из лесной чащи показалась осторожная тень. Это был подросток в одеждах ученика внешней школы. Он опасливо выглядывал из-за деревьев и, убедившись, что вокруг ни души, пополз вдоль кустов к дверям пещеры.

К удивлению Муюня, когда мальчишка пересёк границу круга, массив никак не отреагировал.

Прищурившись, Муюнь перешёл в режим духовного зрения и увидел, что юношу окутывает едва заметное сияние. Эта аура в точности повторяла пульсацию самого массива, позволяя владельцу оставаться невидимым для стражи. Источником этого света был амулет, висевший на груди у парня — судя по всему, редкий магический инструмент.

Дух поднялся и бесшумной тенью последовал за незваным гостем.

Тот благополучно добрался до дверей и облегчённо выдохнул.

— Фух, а это оказалось проще, чем я думал.

Стоило ему заговорить, как Муюнь узнал его — это был тот самый любопытный малец, который подметал дорожки днём. Видимо, его интерес к запретной обители был вовсе не случайным. Впрочем, мотивы юнца сейчас не имели значения — он стал идеальным шансом на побег.

Ученик протянул руку, намереваясь толкнуть нефритовые створки.

В то же мгновение пространство взорвалось ослепительным светом. Жажда крови, запечатанная в отметине от меча, обрела форму и обрушилась на наглеца сокрушительным ударом.

— А-а! — вскрикнул парень, и его силуэт на миг подёрнулся рябью, словно отражение в воде.

Секунду спустя он оказался далеко за пределами массива, тяжело дыша и не веря своему спасению. Опасливо взглянув в сторону пещеры, он не решился на вторую попытку и в панике бросился прочь.

А Чэн Муюнь, запертый до этого в клетке, уже прочно обосновался внутри его нагрудного кулона, последовав за ним.

В ту же секунду в бездне холодного озера человек, застывший в медитации подобно ледяному изваянию, медленно вскинул ресницы.